

Глава I

СИНЬОРА БЕЗ ПЯТИ МИНУТ БАРОНЕССА

Фея была старая синьора, очень благовоспитанная и благородная, почти баронесса.

— Меня называют, — бормотала она иногда про себя, — просто Фея, и я не протестую: ведь нужно иметь снисхождение к невеждам. Но я почти баронесса; порядочные люди это знают.

— Да, синьора баронесса, — поддакивала служанка.

— Я не стопроцентная баронесса, но до неё мне не хватает не так уж много. И разница почти незаметна. Не так ли?

— Незаметна, синьора баронесса. И порядочные люди не замечают её...

Было как раз первое утро нового года. Всю ночь напролёт Фея и её служанка путешествовали по крышам домов, разнося подарки. Их платья были покрыты снегом и сосульками.

— Затопи печку, — сказала Фея, — нужно просушить одежду. И поставь на место метлу: теперь целый год можно не думать о полётах с крыши на крышу, да ещё при таком северном ветре.

Служанка поставила метлу на место, ворча:

— Хорошенькое дельце — летать на метле! Это в наше-то время, когда изобрели самолёты! Я уже простудилась из-за этого.

— Приготовь мне бокальчик цветочного отвара, — приказала Фея, надев очки и садясь в старое кожаное кресло, стоявшее перед письменным столом.

— Сию минутку, баронесса, — сказала служанка.

Фея одобрительно посмотрела на неё.

«Она немножко ленива, — подумала Фея, — но знает правила хорошего тона и умеет держать себя с синьорой моего круга. Я пообещаю ей увеличить заработную плату. На самом-то деле я ей, конечно, не увеличу, и так денег не хватает».

Нужно сказать, что Фея при всём своём благородстве была довольно скуповата. Два раза в год обещала она старой служанке увеличить заработную плату, но ограничивалась одними

обещаниями. Служанке давно уже надоело слушать только слова, ей хотелось услышать звон монет. Как-то раз у неё даже хватило мужества сказать об этом баронессе. Но Фея очень возмутилась.

— Монеты и монеты! — проговорила она, вздыхая. — Невежественные люди только и думают, что о деньгах. И как нехорошо, что ты не только думаешь, но и говоришь об этом! Видно, учить тебя хорошим манерам — всё равно что кормить осла сахаром.

Фея вздохнула и уткнулась в свои книги.

— Итак, подведём баланс. Дела в этом году неважные, денег маловато. Ещё бы, все хотят от Феи хороших подарков, а когда речь заходит о том, чтобы платить за них, начинают торговаться. Все стараются брать в долг, обещая уплатить потом, как будто Фея — это какой-то колбасник. Впрочем, сегодня особенно жаловаться нечего: все игрушки, которые были в магазине, разошлись, и сейчас нам нужно будет принести со склада новые.

Она закрыла книгу и принялась распечатывать письма, которые обнаружила в своём почтовом ящике.

— Так и знала! — заговорила она. — Я рискую заболеть воспалением лёгких, разнося свои товары, и никакой благодарности! Этот не хотел деревянную саблю — подавайте ему пистолет! А знает ли он, что пистолет стоит на тысячу лир дороже? Другой, представьте себе, хотел получить аэроплан! Его отец — швейцар курьера секретаря одного служащего лотереи, и было у него на покупку подарка всего триста лир. Что я могла подарить ему за такие гроши?

Фея бросила письма обратно в ящик. Сняла очки и позвала:

— Тереза, отвар готов?

— Готов, готов, синьора баронесса.

И старая служанка подала баронессе дымящийся бокал.

— Ты влила сюда капельку рома?

— Целых две ложечки!

— Мне хватило бы и одной... Теперь я понимаю, почему бутылка почти опустела. Подумать только, мы купили её всего четыре года тому назад!

Потягивая маленькими глотками кипящий напиток и умудряясь не обжигаться при этом, как это умеют делать только старые синьоры, Фея бродила по своему маленькому царству, заботливо проверяя каждый уголок кухни, магазина и маленькой деревянной лесенки, которая вела на второй этаж, где была спальня.

Как печально выглядел магазин с опущенными шторами, пустыми витринами и шкафами, заваленными коробками без игрушек и ворохами обёрточной бумаги!

— Приготовь ключи от склада и свечу, — сказала Фея, — нужно принести новые игрушки.

— Но, синьора баронесса, вы хотите работать даже сегодня, в день вашего праздника? Неужели вы думаете, что кто-нибудь придёт сегодня за покупками? Ведь новогодняя ночь, ночь Феи, уже прошла...

— Да, но до следующей новогодней ночи осталось всего-навсего триста шестьдесят пять дней.

Надо вам сказать, что магазин Феи оставался открытым в течение всего года и его витрины были всегда освещены.

Таким образом, у детей было достаточно времени, чтобы полюбоваться ту или иную игрушку, а родители успевали сделать свои расчёты, чтобы иметь возможность заказать её.

Кроме того, ведь есть ещё дни рождения, и все знают, что дети считают эти дни очень подходящими для получения подарков.

Теперь вы поняли, что делает Фея с первого января до следующего Нового года? Она сидит за витриной и смотрит на прохожих. Особенно внимательно вглядывается она в лица детей. Она сразу понимает, нравится или не нравится им новая игрушка, и, если не нравится, снимает её с витрины и заменяет другой.

О, синьоры, что-то теперь на меня напало сомнение! Так было, когда я был ещё маленьким. Кто знает, есть ли теперь у Феи этот магазинчик с витриной, уставленной игрушечными поездами, куклами, тряпичными собачками, ружьями, пистолетами, фигурками индейцев и марионеток?

Я помню его, этот магазинчик Феи. Сколько часов я проводил у этой витрины, считая игрушки! Чтобы пересчитать их, требовалось много времени, и я никогда не успевал досчитать до конца, потому что нужно было отнести домой купленное молоко.

Глава II

ВИТРИНА НАПОЛНЯЕТСЯ

Склад был в подвале, который находился как раз под магазином. Фее и её служанке пришлось раз двадцать спуститься и подняться по лестнице, чтобы наполнить новыми игрушками шкафы и витрины.

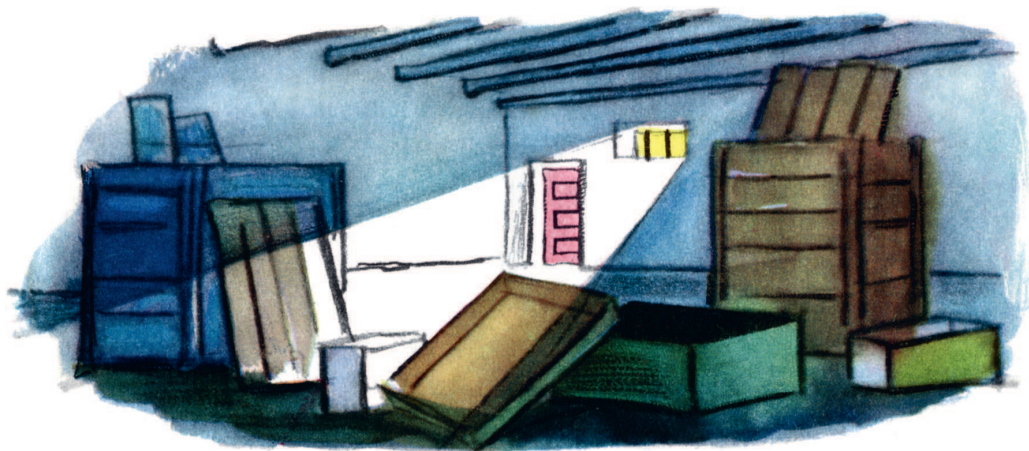
Уже во время третьего рейса Тереза устала.

— Синьора, — сказала она, останавливаясь посреди лестницы с большой связкой кукол в руках, — синьора баронесса, у меня бьётся сердце.

— Это хорошо, моя дорогая, это очень хорошо, — ответила Фейя, — было бы хуже, если бы оно больше не билось.

— У меня болят ноги, синьора баронесса.

— Оставь их на кухне, пусть отдохнут, тем более что ногами ничего носить нельзя.

— Синьора баронесса, мне не хватает воздуха...

— Я не крада его у тебя, моя дорогая, у меня своего достаточно.

И действительно, казалось, что Фея никогда не устаёт. Несмотря на свой преклонный возраст, она прыгала по ступенькам, словно танцуя, как будто под каблуками у неё были спрятаны пружинки. Одновременно она продолжала подсчитывать:

— Эти индейцы приносят мне доход по двести лир каждый. Даже, пожалуй, по триста лир. Сейчас индейцы очень в моде. Не кажется ли тебе, что этот электрический поезд просто чудо?! Я назову его Голубой Стрелой и, клянусь, брошу торговлю, если с завтрашнего дня сотни ребячьих глаз не будут пожирать его с утра до вечера.

И правда, это был замечательный поезд: с двумя шлагбаумами, с вокзалом и Главным Начальником Станции, с Машинистом и Начальником Поезда в очках. Пролежав столько месяцев на складе, электропоезд весь покрылся пылью, но Фея хорошенько протёрла его тряпочкой, и голубая краска засверкала, как вода альпийского озера: весь поезд, включая Начальника Станции, Начальника Поезда и Машиниста, был выкрашен голубой краской.

Когда Фея стёрла пыль с глаз Машиниста, он огляделся вокруг и воскликнул:

— Наконец-то я вижу! У меня такое впечатление, будто я несколько месяцев был похоронен в пещере. Итак, когда мы отправляемся? Я готов.

— Спокойно, спокойно, — прервал его Начальник Поезда, протирая платочком очки. — Поезд не тронется без моего приказа.

— Посчитайте нашивки на вашем берете, — раздался третий голос, — и увидите, кто здесь старший.

Начальник Поезда пересчитал свои нашивки. У него было четыре. Тогда он сосчитал нашивки у Начальника Станции — пять. Начальник Поезда вздохнул, спрятал очки и притих. Начальник

Станции ходил взад-вперёд по витрине, размахивая жезлом, которым дают сигнал отправления. На площади перед станцией выстроился полк оловянных стрелков с духовым оркестром и Полковником. Немножко в стороне расположилась целая артиллерийская батарея во главе с Генералом.

Позади станции расстилалась зелёная равнина и были разбросаны холмы. На равнине вокруг вождя, которого звали Серебряное Перо, раскинули лагерь индейцы. На вершине горы верховые ковбои держали наготове свои лассо.

Над крышей вокзала покачивался подвешенный к потолку аэроплан: Пилот высунулся из кабины и смотрел вниз. Надо вам сказать, что этот Пилот был сделан так, что он не мог подняться на ноги: ног у него не было. Это был Сидящий Пилот.

Рядом с аэропланом висела красная клетка с Канарейкой, которую звали Жёлтая Канарейка. Когда клетку слегка покачивали, Канарейка пела.

В витрине были ещё куклы, Жёлтый Медвежонок, тряпичный пёс по имени Кнопка, краски, «Конструктор», маленький театр с тремя Марионетками и быстроходный двухмачтовый парусник. По капитанскому мостику парусника нервно расхаживал Капитан. Ему по рассеянности приклеили только половину бороды, поэтому он тщательно скрывал безбородую половину лица, чтобы не выглядеть уродом.

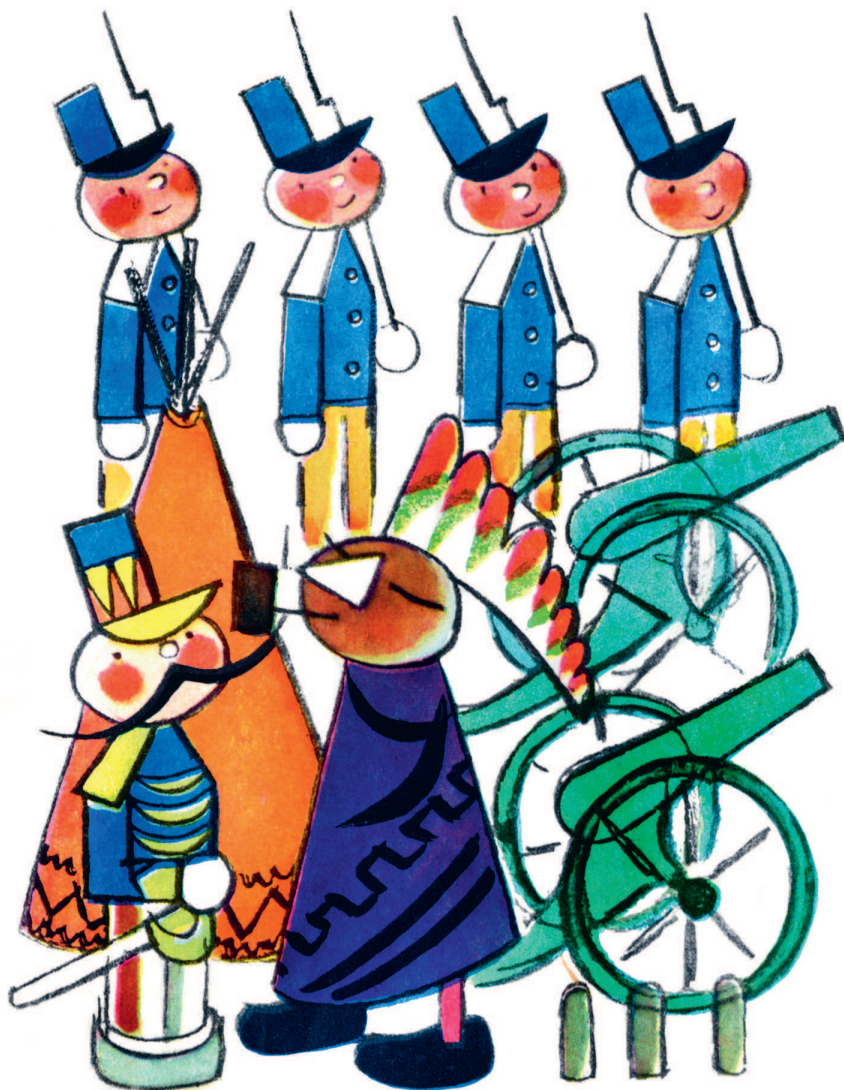
Начальник Станции и Полубородый Капитан делали вид, что не замечают друг друга, но, может быть, кто-нибудь из них уже собирался вызвать другого на дуэль, чтобы решить вопрос о верховном командовании в витрине.

Куклы разделились на две группы: одни вздыхали по Начальнику Станции, другие бросали нежные взгляды на Полубородого Капитана, и лишь одна чёрная кукла с глазами белее молока глядела только на Сидящего Пилота и больше ни на кого.

Что касается тряпичного пса, то он бы с удовольствием вилял хвостом и прыгал от радости. Но он не мог оказывать эти знаки внимания всем троим, а выбрать кого-нибудь не хотел, чтобы не оскорблять двух остальных. Поэтому он сидел тихо

и неподвижно, и вид у него был немного глуповатый. Его имя было написано красными буквами на ошейнике: «Кнопка». Может быть, его называли так потому, что он был маленьким, как кнопка.

Но тут произошло событие, которое сразу же заставило забыть и ревность, и соперничество. Как раз в это мгновение Фея подняла штору — и солнце хлынуло в витрину золотым каскадом, вызывая у всех жуткий страх, потому что никто его раньше не видел.

— Сто тысяч глухих китов! — рявкнул Полубородый Капитан. — Что случилось?

— На помощь! На помощь! — завизжали куклы, прячась друг за друга.

Генерал приказал немедленно повернуть пушки в сторону неприятеля, чтобы быть готовым отразить любую атаку. Только Серебряное Перо остался невозмутимым. Он вынул изо рта длинную трубку, что делал только в исключительных случаях, и сказал:

— Не бойтесь, игрушки. Это Великий Дух — Солнце, всеобщий друг. Смотрите, как повеселела вся площадь, радуясь его приходу.

Все посмотрели на витрину. Площадь и в самом деле сверкала под лучами солнца. Струи фонтанов казались огненными. Нежное тепло проникало сквозь запылённые стёкла в магазинчик Феи.

— Тысячи пьяных китов! — пробормотал снова Капитан. — Я ведь морской волк, а не солнечный!

Куклы, радостно болтая, сразу же стали принимать солнечные ванны. Однако в один угол витрины солнечные лучи не могли проникнуть. Тень падала как раз на Машиниста, и тот очень рассердился:

— Должно же было так случиться, чтобы именно я оказался в тени!

Он выглянул за витрину, и его зоркие глаза, привыкшие часами смотреть на рельсы во время долгих поездок, встретились с парой огромных, широко раскрытых глаз ребёнка.

В эти глаза можно было заглянуть, как заглядывают в дом, когда на окнах нет занавесок. И, заглянув в них, Машинист увидел большую недетскую печаль.

«Странно, — подумал Машинист Голубой Стрелы. — Я всегда слышал, что дети — весёлый народ. Они только и знают, что смеются и играют с утра до вечера. А этот мне кажется грустным, как старичок. Что с ним случилось?»

Грустный мальчик долго смотрел на витрину. Его глаза наполнились слезами. Время от времени слезинки скатывались вниз по щеке и пропадали на губах. Все в витрине затаили дыхание: